

УДК 821.133.1-2
ББК 84(4Фра)-6
С20

Серия «Эксклюзивная классика»

Jean-Paul Sartre

MORTS SANS SEPULTURE
LE DIABLE ET LE BON DIEU

Перевод с французского

Е. Якушкиной («Мертвые без погребения»)

Г. Брейтбурда («Дьявол и Господь Бог»)

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard.

Сартр, Жан Поль.

С20 Мертвые без погребения. Дьявол и Господь Бог :
[сборник : перевод с французского] / Жан Поль
Сартр. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 256 с. —
(Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-091546-0

«Мертвые без погребения» (1946) — пронзительная пьеса Сартра о временах немецкой оккупации Франции. Вторая мировая война: Франсуа, Сорбье, Канорис, Анри и Люси — члены Сопротивления, провалившие задание и попавшие в руки к немцам. Их держат на чердаке, в наручниках, и по одному отводят вниз для допроса. Эти пятеро оказываются лицом к лицу со смертью; именно то, что все они чувствуют перед неминуемой гибелью — отчаяние, покорность, ненависть к врагам и предателям, надежду и жажду жить, — оказывается главным предметом внимания писателя.

«Дьявол и Господь Бог» (1951) — пьеса Сартра, действие которой происходит в развороченной крестьянской войной Германии XVI в. Однако исторические события для автора — всего лишь фон, на котором яснее проступают извечные вопросы бытия: что есть Добро и Зло и в чем состоит свобода человеческой личности.

УДК 821.133.1-2
ББК 84(4Фра)-6

© Editions Gallimard, Paris, 1976, 1951
© Перевод. Е. Якушкина, наследники, 2015
© Перевод. Г. Брейтбурд, наследники, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-091546-0

**МЕРТВЫЕ
БЕЗ ПОГРЕБЕНИЯ**

Пьеса в четырех картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В порядке появления на сцене

Франсуа.

Жан.

Сорбье.

Клоше.

Канорис.

Ландрие.

Люси.

Пеллерен.

Анри.

Корбье.

Первый

Второй

полицейский.

полицейский.

Декорации

Первая картина — чердак. Нагромождение различных вещей: детская коляска, старый сундук и т. п.

Вторая картина — школьный класс. На стене портрет Петена.

Третья картина — чердак.

Четвертая картина — снова класс.

Картина первая

Чердак. Свет проникает через слуховое окно. Вперемешку свалены чемоданы, старая кухонная плита, деревянный манекен.

Явление первое

Канорис, Сорбье, Франсуа, Люси, Анри.

Канорис сидит на чемодане, Сорбье — на старой скамейке, Люси — на плите. Все они в наручниках. Франсуа ходит взад и вперед. Руки у него тоже скованы. Анри спит на полу.

Франсуа. Вы долго еще будете молчать?

Сорбье (*подымая голову*). А о чем мы, по-твоему, должны говорить?

Франсуа. О чем угодно, только бы слышать какие-нибудь звуки.

Неожиданно раздается резкая, вульгарная музыка. Этажом ниже включили радио.

Сорбье. Вот тебе и звуки.

Франсуа. Это совсем не то. Это *их* звуки. (*Внезапно останавливается.*) Черт!

Сорбье. Что еще?

Франсуа. Они слышат мои шаги и думают: один уже нервничает.

Канорис. Ну что ж, тогда перестань нервничать, садись. Положи руки на колени, будет не так больно. И помолчи. Попытайся уснуть или поразмыслий.

Франсуа. О чем?

Канорис пожимает плечами. Франсуа снова принимается ходить.

Сорбье. Франсуа!

Франсуа. Что?

Сорбье. У тебя скрипят ботинки.

Франсуа. Я нарочно скриплю. *(Пауза. Останавливается около Сорбье.)* Ну, о чем вы можете сейчас думать?

Сорбье *(подымая голову)*. Ты хочешь, чтобы я тебе объяснил?

Франсуа *(посмотрев на Сорбье, отступает)*. Нет. Не надо.

Сорбье. Я думаю о девочке, как она кричала.

Люси *(неожиданно выходя из задумчивости)*. Какая девочка?

Сорбье. Девочка с той фермы. Я слышал ее крик, когда нас уводили. Лестница была уже в огне.

Люси. Девочка с фермы? Зачем ты нам об этом рассказываешь?

Сорбье. Погибло много людей. Дети, женщины. Но я не слышал, как они умирали. А крики этой девочки я слышу до сих пор. Я не могу больше думать о них в одиночестве.

Люси. Ей было тринадцать лет. Она умерла из-за нас.

Сорбье. Они все умерли из-за нас.

Канорис *(Франсуа)*. Вот видишь, лучше было молчать.

Франсуа. Почему? Мы ведь тоже недолго задержимся здесь. А возможно, скоро будем считать, что им повезло.

Сорбье. Они не хотели умирать.

Франсуа. А разве я хочу? Мы же не виноваты, что не выполнили задание.

Сорбье. Нет, виноваты.

Франсуа. Мы подчинялись приказу.

Сорбье. Конечно.

Франсуа. Нам сказали: «Поднимитесь в горы и захватите деревню». Мы ответили: «Это идиотизм, через двадцать четыре часа немцам все станет известно». Нам ответили: «Идите и займите деревню». Тогда мы сказали: «Ладно». И мы пошли. Чья вина?

Сорбье. Наша. Мы должны были выполнить приказ.

Франсуа. Мы не могли его выполнить.

Сорбье. Конечно. И все же нужно было выполнить. *(Пауза.)* Триста. Триста человек, которые не хотели умирать и которые умерли ни за что. Они лежат среди камней, и их тела почернели от солнца; их должно быть видно из всех окон... Из-за нас. Из-за нас в этой деревне остались только полицаи, трупы и камни. Тяжело нам будет умирать с этим криком в ушах.

Франсуа *(кричит)*. Отстань от нас с твоими мертвецами. Я моложе вас всех, я только подчинялся. Я не виноват! Не виноват! Не виноват!

Люси *(в течение всей этой сцены сохранявшая спокойствие, нежно)*. Франсуа!

Франсуа *(смущенно, слабым голосом)*. Что?

Люси. Иди ко мне, сядь рядом, братишка.

Франсуа колеблется.

(Повторяет еще более нежно.) Иди сюда!

Франсуа подходит, садится рядом с ней.

(Неловко гладит его по лицу скованными руками.) Как ты разгорячился! Где твой платок?

Франсуа. В кармане. Я не могу его вытащить.

Люси. В этом кармане?

Франсуа. Да.

Люси (*опускает руку в карман его куртки, с трудом вытаскивает платок и вытирает ему лицо*). Ты весь мокрый и дрожишь: не надо так много ходить.

Франсуа. Если бы я мог снять куртку...

Люси. Не думай об этом, раз это невозможно.

Он пытается снять наручники.

Не старайся их разорвать. Не думай об этом, так хуже. Сиди спокойно, дыши ровнее, замри: я замерла и спокойна, я берегу силы.

Франсуа. Для чего? Для того чтобы потом сильнее кричать? Грошовая экономия. Осталось так мало времени. Я хочу двигаться. (*Хочет встать.*)

Люси. Остайся возле меня.

Франсуа. Я должен двигаться. Стоит мне сесть, как в голову приходят разные мысли. А я не хочу думать.

Люси. Бедный малыш.

Франсуа (*опускаясь на колени перед Люси*). Люси, все так трудно. Я не могу смотреть на ваши лица; мне делается страшно.

Люси. Положи голову мне на колени. Да, все так трудно, а ты такой маленький. Если бы кто-нибудь мог тебе сейчас улыбнуться и сказать: мой бедный малыш. Раньше я избавляла тебя от всех огорчений. Мой бедный малыш... Мой бедный малыш! (*Резко выпрямилась.*) А теперь не могу. Тоска иссушила меня. Я больше не могу плакать.

Франсуа. Не оставляй меня одного. Мне стыдно тех мыслей, что приходят мне в голову.

Люси. Послушай. Ведь есть человек, который может тебе помочь... Думай о нем. Я не одинока... (Пауза.) Со мной Жан, если бы ты мог...

Франсуа. Жан?

Люси. Они его не поймали. Сейчас он спускается к Греноблю. Он — единственный из нас — останется завтра в живых.

Франсуа. А потом?

Люси. Он вернется к нашим, они снова начнут работать, в другом месте. А потом кончится война, они будут спокойно жить в Париже, с настоящими фотографиями на настоящих удостоверениях, и люди будут называть их настоящими именами.

Франсуа. Что же, ему повезло. А мне что от этого?

Люси. Он идет сейчас через лес. Вдоль дороги стоят тополя. Он думает обо мне. На всем свете он единственный, кто думает обо мне с такой нежностью. О тебе он тоже думает. Он думает, что ты бедный малыш. Попробуй увидеть себя его глазами. Он может плакать. (Плачет.)

Франсуа. Ты тоже можешь плакать.

Люси. Я плачу его слезами.

Пауза.

Франсуа (*резко встает*). Хватит разговоров. В конце концов я его возненавижу.

Люси. Ты же любил его.

Франсуа. Но не так, как ты.

Люси. Да, конечно, не так.

Шум шагов. Открывается дверь. Люси резко встает. Полицейский посмотрел на них и молча закрыл дверь.

Сорбье (*пожимая плечами*). Они развлекаются. Зачем ты встала?

Л ю с и (*сидясь*). Я думала, что они пришли за нами.

К а н о р и с. Они придут позже.

Л ю с и. Почему?

К а н о р и с. Они ошибаются, думая, что ожидание деморализует.

С о р б ь е. А разве это не так? Ждать невесело, в голову лезут разные мысли.

К а н о р и с. Безусловно. Но, с другой стороны, есть время взять себя в руки. Когда меня арестовали в первый раз — это было в Греции во времена Метаксаса, — они пришли за мной в четыре часа утра. Если бы они сразу нажали на меня, я бы заговорил. От неожиданности. Но они не стали меня допрашивать сразу. Через десять дней они прибегли к самым сильным средствам, но было уже поздно: они упустили момент — фактор неожиданности.

С о р б ь е. Они били тебя?

К а н о р и с. А как ты думаешь?

С о р б ь е. Кулаками?

К а н о р и с. Кулаками, ногами.

С о р б ь е. Тебе хотелось заговорить?

К а н о р и с. Нет, пока бьют, можно держаться.

С о р б ь е. Да?.. Можно держаться... (*Пауза.*) Ну а когда они бьют тебя по берцовой кости или по локтям?

К а н о р и с. Ничего, ничего. Можно держаться. (*Мягко.*) Сорбье.

С о р б ь е. Что?

К а н о р и с. Не надо их бояться. Они лишены воображения.

С о р б ь е. Я боюсь себя.

К а н о р и с. Почему? Нам нечего рассказывать. Все, что мы знаем, им уже известно. Послушайте! (*Пауза.*) Все совсем не так, как себе представляешь.

Франсуа. А как?

Канорис. Я не могу этого рассказать. Кстати, тогда мне показалось, что прошло очень мало времени. *(Смеется.)* Я так сжал зубы, что потом целых три часа не мог открыть рот. Это было в порту Новплис. На одном из этих типов были старомодные ботинки. С острыми носами. Он бил меня ими по лицу. Под окном пели женщины. Я запомнил мотив.

Сорбье. В каком году?

Канорис. В тридцать шестом.

Сорбье. Вот так совпадение. Я как раз там был. Я прибыл в Грецию на теплоходе «Теофиль Готье». По службе. Я видел тюрьму; у ее стен растут смоковницы. Значит, ты был там, внутри, а я снаружи? *(Смеется.)* Уморительно.

Канорис. Уморительно.

Сорбье *(резко)*. А если они начнут тебя обрабатывать?

Канорис. Как?

Сорбье. Если они начнут тебя обрабатывать своими приборами?

Канорис пожимает плечами.

Думаю, что стану защищаться самым простым методом. Каждый раз буду себе говорить: продержусь еще одну минуту. Это правильный метод?

Канорис. Никаких методов нет.

Сорбье. А что бы делал ты?

Люси. Вы не можете замолчать? Посмотрите на мальчика: вы воображаете, что вселяете в него мужество? Погодите еще немного, они сами вам все разъяснят.

Сорбье. Отстань, пусть заткнет уши, если не хочет слушать.

Люси. А мне тоже прикажете заткнуть уши? Я не хочу вас слушать, боюсь, что начну вас презирать. Неужели вам нужно столько слов, чтобы обрести мужество? Я видела, как умирают животные, и хотела бы умереть, как они: молча.

Сорбье. А кто говорит о смерти? Мы беседуем о том, что они сделают с нами «до». Надо к этому подготовиться.

Люси. Я не хочу к этому готовиться. Зачем мне дважды переживать то, что неизбежно должно случиться. Посмотрите на Анри: он спит. Почему бы вам не уснуть?

Сорбье. Уснуть? А они придут и разбудят меня пинками? Не хочу. У меня нет времени.

Люси. Тогда думай о тех, кого любишь. Я думаю о Жане, о моей жизни, о малыше, за которым я ухаживала, когда он заболел в гостинице в Аркашоне. Там были сосны и большие зеленые волны. Я видела их из окна.

Сорбье (*иронически*). Зеленые волны, неужели? Я тебе уже сказал, что у меня нет времени.

Люси. Я не узнаю тебя, Сорбье.

Сорбье (*смущенно*). Ты права! Это нервы. У меня нервы девственницы. (*Встает, подходит к ней.*) Каждый защищает по-своему. Я ничего не стою, когда меня захватывают врасплох. Если бы я только мог заранее ощутить боль — хотя бы совсем немножко, чтобы узнать... при встрече — я был бы более уверен в себе. Не моя вина. Я всегда был дотошным. (*Пауза.*) Я тебя очень люблю, ты же знаешь. Но я

чувствую себя таким одиноким. (*Пауза.*) Если ты хочешь, чтобы я молчал...

Франсуа. Не мешай им говорить. Главное, чтобы не было такой тишины.

Люси. Делайте что хотите.

Пауза.

Сорбье (*понижая голос*). Послушай, Канорис!

Канорис поднимает голову.

Ты уже встречал людей, которые выдавали других?

Канорис. Да.

Сорбье. Ну и что?

Канорис. А какое это имеет значение, раз нам не о чем им рассказывать.

Сорбье. Я просто хочу знать, как они потом себя чувствовали.

Канорис. Кто как. Был один, который выстрелил из охотничьего ружья себе в голову. Но он только ослеп. Я иногда встречал его на улицах Пирея, его водила какая-то армянка. Он думал, что за все расплатился. Каждый сам решает, расплатился он или нет. А другого мы пристрелили на ярмарке, когда он покупал рахат-лукум. После выхода из тюрьмы он любил лукум, пристрастился к сладкому.

Сорбье. Счастливчик.

Канорис. Гм!

Сорбье. Если бы я им все выложил, сомневаюсь, что мне удалось бы утешиться сахаром.

Канорис. Все так думают. Но никто не знает, пока не пройдет через это.

Сорбье. Во всяком случае, я не думаю, что буду испытывать после этого нежность к себе. Мне кажется, что я бы взялся за охотничье ружье.

Франсуа. А я предпочитаю рахат-лукум.

Сорбье. Франсуа!

Франсуа. Что, Франсуа? Разве вы меня предупредили, когда я к вам пришел? Вы мне сказали: Сопротивление нуждается в людях. Вы мне не сказали, что Сопротивление нуждается в героях. Я же не герой, я не герой! Не герой! Я делал, что мне говорили: я раздавал листовки и переносил оружие, и делал это с радостью, вы же видели. Но никто не предупредил меня, что меня ожидает в конце. Я клянусь вам, что никогда не знал, на что я иду.

Сорбье. Нет, знал. Ты знал, что Рене пытали.

Франсуа. Я никогда об этом не думал. *(Пауза.)* Девочка, которую вы так жалеете, умерла из-за нас. А если я заговорю, когда они начнут прижигать меня своими сигарами, вы скажете: он трус — и протянете мне охотничье ружье, если, конечно, не выстрелите мне сами в спину, а я ведь только на два года старше этой девочки.

Сорбье. Я говорил о себе.

Канорис *(подходя к Франсуа)*. У тебя больше нет никаких обязанностей, Франсуа. Ни обязанностей, ни приказов. Мы ничего не знаем, нам нечего скрывать. Пусть каждый устраивается, как может, чтобы меньше страдать. Средства не имеют значения.

Франсуа постепенно успокаивается, но остается подавленным. Люси прижимает его к себе.

Сорбье. Средства не имеют значения... Конечно. Кричи, плачь, умоляй, проси пощады, копайся